

Такова «тайна», возвещать которую стало миссией св. Павла (Еф. 3:8): «чтобы и язычникам быть сонаследниками с евреями, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования» (Еф. 3:6)**; «нет различия между Иудеем и язычником, потому что Христос—Господь у всех» (Рим. 10:12)***. «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Превращая всех верующих

а вера открыта для всех — в членов одного мистического Тела, это учение раз и навсегда определило природу нового общества. Это не национальное общество, потому что

Евангелие проповедовалось всем народам; не интернациональное — потому что в нем не было ни эллина, ни иудея и оно абстрагировалось от национальности; даже не наднациональное — потому что оно не надстраивалось над народами в рамках того порядка вещей, в котором они находились; короче говоря, согласно евангельскому учению, новое Царство было не от мира сего; жить в нем означало жить на небесах. Стойки были «космополитами» в узком смысле этого слова, то есть гражданами мира, космоса; христиане станут, скорее, «уранополитами»: «наше же жительство — на небесах» (Флп. 3:20).

Римская империя вобрала в себя слишком много народов и слишком поверхностно, чтобы у нее хватило времени их ассимилировать. И без того слабые связи этих народов с Римом совершенно прервались, когда, став христианами, люди обнаружили, что исключены из числа подданных самими императорами, поставлены вне закона и жестоко преследуются. Фактически став апатридами, они стали ими и сердцем, как свидетельствует об этом Апокалипсис, где великий Вавилон, которому помогает зверь с семью головами, символизирует Рим (Отк. 18—19), а также «Сивиллины книги» (III, 356—362; V, 227 и ел.)****, которые возвещают о полном разрушении Рима и Италии в наказание за их преступления. «Никакое дело нам так не чуждо, как общее, республика» («Nobis nulla magis res aliena est quam publica»), невозмутимо пишет Тертуллиан в своей «Апологии» (§ 38) и добавляет: «Мы признаем одно государство для всех — мир» (Unam omnium rem publicam agnoscimus mundum)*****. Римские императоры были не единственными, кто это почувствовал и встревожился. В «Правдивой речи» Цельса подчеркивается, что настрой христиан на вневременное угрожал Империи распадом; упрекая их в безразличии к общественным делам, он требовал от этих людей участия в делах государства. Если даже заподозрить Цельса в некотором преувеличении, то ответ Оригена рассеивает всякие сомнения: об-

Часть 8.

Глава II. Латинские отцы и философы

126

винение Цельса, по-видимому, натолкнулось на полное безразличие. Зачем христианам заниматься делами Империи? У них есть церкви, каждая из которых устроена как маленькая родина (*systema patridos*), и прежде всего она требует их забот.

Самым поучительным свидетельством этого состояния духа было «Послание Ди-огнету», неизвестный автор которого, правда, излагал дело более сдержанно. Это произведение относили к разным эпохам, даже к XVI веку, но сейчас достигнуто согласие датировать